

КУРДСКИЙ ФАКТОР В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СИРИИ

© 2024

А. О. Победоносцева-Кая¹

На протяжении большей части истории современного сирийского государства курдский вопрос для Сирии был больше связан с внешней, нежели внутренней политикой. Взаимодействие с иностранными радикальными политическими организациями является хорошо известной особенностью сирийской внешней политики. Помимо радикальных групп, открыто бросавших вызов США и Западу, Сирия работала и с более умеренными силами. Это позволяло Дамаску значительно усилить свои позиции в международной политике, пока такое сотрудничество не повлекло за собой жестких и всеобъемлющих санкций, которые начали налагаться Западом после завершения холодной войны. С конца 1950-х гг. сирийский режим претерпел ряд изменений, но сохранял связи с левой политической сценой в регионе и за его пределами. Его контакты с Организацией освобождения Палестины и ее отдельными фракциями представлены в ряде научных статей. Считалось, что такое взаимодействие укладывалось в идеологические рамки левонационалистического режима с его идейной установкой поддержки палестинского сопротивления. Но помимо палестинских групп, сирийское правительство работало и с неарабскими акторами, в частности, курдскими, что показывает готовность рисковать в проявлении солидарности не только в палестинском вопросе. В работе с ними сирийское руководство пыталось использовать их как инструмент давления на соседние страны. Статья реконструирует историю начального этапа взаимодействия сирийских властей и несирийских курдских организаций (1955–1974), для чего были использованы официальные документы и публикации того времени, а также воспоминания участников событий.

Ключевые слова: курды, Сирия, Ирак, Баас, арабский национализм, холодная война, региональная безопасность

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. Курдский фактор в ближневосточной политике Сирии. Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 3. С. 230–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-230-237

KURDISH FACTOR IN SYRIA'S MIDDLE EAST POLICY

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

In the history of the modern Syrian state, it dealt with Kurdish issues more in the foreign policy realm rather than in the context of domestic politics. Engagement with foreign radical political organizations is a well-known feature of Syrian foreign policy. In addition to radical groups that openly challenged the United States and

¹ Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург; a.pobedonostseva@spbu.ru

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya, PhD (History), Associate professor, Department of History of the Middle East Countries, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg; a.pobedonostseva@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-6556-3950

the West, Syria also worked with more moderate forces. This allowed Damascus to strengthen its position in international politics, as long as such cooperation did not entail the harsh and comprehensive sanctions that began to be imposed by the West after the end of the Cold War. Since the late 1950s, the Syrian regime underwent many changes but maintained ties to the leftist political scene in the region and beyond. Its connections with the PLO and its constituent factions are studied in many scholarly articles. It was believed that such interaction fit into the ideological framework of the left-nationalist regime with its ideological stance of supporting the Palestinian resistance. But in addition to Palestinian groups, the Syrian government has also worked with non-Arab actors, particularly Kurdish ones, which shows a willingness to take risks in showing solidarity not only on the Palestinian issue. In working with them, the Syrian leadership tried to use them as an instrument of pressure on neighboring countries. The article reconstructs the history of the initial stage of interaction between the Syrian authorities and non-Syrian Kurdish organizations (1955–1974), for which official documents and publications of that time were used, as well as the memories of participants in the events.

Keywords: Kurds, Syria, Iraq, Baath party, Arab nationalism, Cold War, regional security

For citation: Pobedonostseva-Kaya A. O. Kurdish Factor in Syria's Middle East Policy. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 3. Pp. 230–237. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-3-230-237

По словам О. А. Вестада, холодная война была последней великой международной системой, и «все ведущие державы мира основывали свою внешнюю политику на некотором отношении к ней» [Westad, 2017, p. 1]. Вестада признает, что некоторые конфликты, такие как арабо-израильские войны или конфликт в Южной Азии, были в большей степени движимы соответствующими региональными событиями, нежели процессами Холодной войны [Westad, 2017, p. 4]. Есть основания предполагать, что то же можно сказать и относительно процессов в курдских районах Ближнего Востока, яркой иллюстрацией чего может служить история отношений Сирии с политическими организациями несирийских курдов. Взаимодействуя с ними, Дамаск зачастую действовал не только без координации с СССР, но и против советских интересов, оставаясь при этом союзником СССР и продолжая получать советскую помощь.

История конфликта иракского правительства и курдов, а также история двух основных курдских партий связаны с Дамаском. Это стало возможным потому, что в случае связей Сирии с несирийскими курдскими организациями Дамаск действовал внутри региона, который сформировался в результате долгой истории и влияния общих географических особенностей. Различные части ближневосточных земель с преобладающим или значительным присутствием курдского населения — Турецкого, Иракского, Иранского и Сирийского Курдистанов — можно сравнить с «сообщающимися сосудами».

Обстоятельства холодной войны способствовали расцвету радикальных политических движений по всему миру, поскольку целый ряд государств, включая Сирию, имели возможность поддерживать те или иные политические организации. Обе сверхдержавы по своим собственным, постоянно меняющимся соображениям по очереди обеспечивали прикрытие и помощь этому относительно небольшому государству, возглавляемому радикальными лидерами, которые никогда не были политиками «одной проблемы» и не только противостояли Израилю, но и вмешивались в ряд других международных конфликтов.

В этой статье предпринята попытка реконструировать историю взаимодействия Сирии с курдскими организациями. Для чего были рассмотрены документы и публикации того времени, а также воспоминания участников событий — курдских политиков и активистов. Так как сирийские государственные архивы по понятным причинам недоступны для изучения этой темы,

соответствующие процессы были изучены на основе несирийских источников, например, архивных материалов ЦРУ и документов многолетнего руководителя ливанских спецслужб Эмира Фариды Шихаба (Wilson Center Digital Archive)².

Сирийская поддержка несирийских курдов в контексте сближения Сирии с СССР и Египтом

1955 г. стал точкой отсчета в истории отношений правительства Сирии с несирийскими курдами, которые начались в примечательном контексте. После того как в феврале 1955 г. три страны со значительной долей курдского населения — Турция, Иран и Ирак (вместе с Великобританией и Пакистаном) заключили Багдадский пакт, Сирия стала первой арабской страной, которая установила тесные отношения с СССР и закупила советское оружие.

Одновременно возрос и ее интерес к курдскому движению на Ближнем Востоке. Уже 16 июля 1955 г. в Баку произошла встреча Али Бузу³ и Мустафы Барзани⁴. Если попытка молодого курдского активиста Джаляля Талабани установить отношения с арабскими националистическими партиями в Сирии в том же 1955 г. не увенчалась успехом, то в 1956 г. он уже получил в Сирии политическое убежище и щедрую стипендию от правительства. Вместе с иранскими курдскими активистами — Абдуррахманом Забиhi⁵ и поэтом Хизаром Мукрияни⁶ Талабани участвовал в создании сирийских курдских партий, и результатом его деятельности стало начало контактов между арабскими националистическими партиями, правившими в Сирии, с Демократической партией Курдистана (ДПК). При посредничестве иракских партий Баас и Истиклал была организована серия встреч между активистами иракских курдов и сирийскими политиками, принадлежавшими к левым националистическим партиям. Так, Талабани, Забиhi и Камаль Фуад⁷ встретились сначала с председателем сирийского парламента и лидером Арабской социалистической партии⁸ Акрамом аль-Хурани⁹, а затем с главой сирийской военной разведки и влиятельным членом «Свободных офицеров» Абдель-Хамидом аль-Сарраджем¹⁰ [Talabani, 2018, pp. 521–522].

В 1958 г. курдско-сирийские связи получают новый импульс, что происходит в контексте создания в феврале Сирией и Египтом Объединенной Арабской Республики. Дамаск отныне мог

² URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org> (дата обращения: 01.01.2024).

³ Али бин Абдул-Вахаб Бузу (1916–1985) — влиятельный сирийский политик 1950-х гг. В 1954–1956 гг. был министром внутренних дел. С 1958 г. и до конца своей карьеры, когда к власти пришла партия Баас, был известен своей лояльностью идеологии арабского единства и сотрудничеством с Гамаль Абдель Насером.

⁴ «Ali Botho/Mustapha al Barazani», 07.10.1946, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165634> (дата обращения: 01.01.2024).

⁵ Абд-ар-Рахман Забиhi (1920–1980) — курдский поэт, писатель, журналист, лингвист, политик. Родился в Мехабаде, входил в руководство первой националистической политической организации Иранского Курдистана «Комалай Жийанавай Курдистан», был главным редактором курдского журнала «Ништиман» (1943–1944), членом политбюро Демократической партии Курдистана и редактором газеты «Хебат».

⁶ Абд-ар-Рахман Шарафканди (1921–1991) — курдский писатель и поэт, известен под псевдонимом Хажар. Родился в Мехабаде. Брат курдского политика и второго секретаря Демократической партии Иранского Курдистана (ДПК) Садека Шарафканди (1938–1992).

⁷ Камаль Абдул Карим Фуад (1932–2014) — курдский лингвист, политик, один из основателей Патриотического союза Курдистана. Получил образование в Германии.

⁸ В 1953–1963 гг. она объединилась с партией Баас, но позже вышла из нее.

⁹ Акрам аль-Хаурани (1912–1996) — сирийский политик, радикал, в 1940–1960-х гг. занимал ряд государственных должностей: спикер сирийского парламента, министр сельского хозяйства и обороны, один из вице-президентов Объединенной Арабской Республики.

¹⁰ Абдель Хамид аль-Саррадж (1925–2013) — сирийский государственный деятель, председатель Исполнительного Совета Северной Территории Объединенной Арабской Республики (премьер-министр Сирии) в 1960–1961 гг.

рассчитывать на поддержку сильнейшего арабского государства в своей внешней политике, в том числе по отношению к курдам. Этому способствовала позиция египетского лидера Гамалы Абдель Насера по курдскому вопросу, который чуть позже выступил посредником в возвращении Мустафы Барзани на родину.

После того как революция 14 июля 1958 г., возглавляемая националистически настроенными военными офицерами, свергла прозападную иракскую монархию и вывела Ирак из Багдадского пакта, Мустафа Барзани и его соратники вернулись из Советского Союза, а еще накануне его возвращения ДПК в 1959 г. возобновила открытую деятельность в Ираке. Бурный рост активности курдского движения, возглавляемого Барзани, немедленно повлек за собой обвинения относительно его связей с СССР. На то были причины, поскольку советские спецслужбы — несмотря на официальные опровержения [Мгои, 1977, с. 17–18] — пытались снабжать его оружием через Сирию. Есть советские свидетельства о том, что по крайней мере один крупный караван с оружием проходил через эту страну [Киселев, 2000, с. 111, 117–145]. Об этом стало известно практически сразу: еще осенью 1961 г. Ахмад Фаузи сообщил, что «Барзани и курды начали вооружаться советским оружием, которое они получили <...> через Халеда Багдаша¹¹ и сирийских коммунистов» [Fawzi, 1961, p. 13]. Такая версия развития событий вполне вероятна: курды действительно были непропорционально представлены в Сирийской коммунистической партии — в то время влиятельной политической силе в сирийском государстве и обществе, а сам Багдаш в 1950–1980-х гг. принадлежал к политическому истеблишменту. Как сообщает в своих мемуарах Талабани, в 1958–1961 гг. курды пытались привлечь на свою сторону некоторые страны, граничащие с Ираком, чтобы заручиться их помощью в случае вооруженной борьбы: «Я, Забиhi и Камаль Фуад связались с сирийскими официальными лицами с просьбой предоставить нам оружие, средства связи и все, что они могли бы нам предоставить на случай, если мы объявим вооруженную борьбу» [Talabani, 2018, pp. 143–144].

Однако сирийское правительство постепенно начало проявлять беспокойство относительно возрождения движения Барзани при участии Советского Союза, и в 1960 г. в Сирии прошла серия арестов курдских националистических активистов. Известные сирийские СМИ начали обсуждать «курдскую опасность», «второй Израиль», «проникновение курдов», намекая на известный в Сирии и регионе нарратив о курдах как о пришельцах из Турции, которые заселили нефтеносный регион Джазира [Blau, 1963, pp. 48–49]. Позже, в январе 1963 г., сирийское правительство начало официальную политику исключения курдов из важных государственных мер, таких как схемы распределения земли в рамках аграрной реформы. Многим курдам в Сирии даже было отказано в сирийском гражданстве, так как еще в 1962 г. Декрет № 93 классифицировал около 120 тыс. курдов как аджаниб, т. е. иностранцы [Gunter, 2014, p. 2].

Публикации, изданные в СССР при участии активистов движения Барзани, начали поступать одновременно и в Ирак, и в Северную Сирию в большом количестве после начала судьбоносного события в холодной войне — Корейской войны 1950 г. Эти публикации призывали курдов взять еврейское сионистское движение в качестве примера при создании курдского государства¹². Барзани продолжал обращаться не только к иракскому, но и к сирийскому населению и в последующие годы, активизировав свои усилия в середине 1950-х гг.¹³

¹¹ Халед Багдаш (1912–1995) — сирийский политик курдского происхождения, лидер Сирийской коммунистической партии в 1937–1995 гг.

¹² «The Kurds and the Russians», 1951, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165756> (дата обращения: 01.01.2024).

¹³ «Mustapha al Barazani's Activities», 16.08.1955, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165750> (дата обращения: 01.01.2024); «Mustapha al Barazani's Activities», 08.1955, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165749> (дата обращения: 01.01.2024).

Традиционные миграционные потоки на Ближнем Востоке, где курды были одним из наиболее крупных кочевых народов, путешествовавших давно сложившимися маршрутами внутри исторического Курдистана, усилили паранойю арабских националистов, которые к 1960-м гг. начали укреплять границы своих современных государств и были впечатлены успехами сионистского движения. Архивные записи ливанских служб безопасности свидетельствуют, что деятельность курдов в сирийском регионе Джазира и советские контакты с курдами были известны в регионе и беспокоили власти в Дамаске с 1949 г.¹⁴

Курдское восстание 1961 г. и проблема снабжения

Когда 11 сентября 1961 г. в Ираке вспыхнуло курдское восстание, оно немедленно столкнулось со значительными трудностями. Племенное ополчение, естественно, не смогло противостоять иракской регулярной армии, в серьезную проблему превратилась логистика. Единственным способом связи с внешним миром для курдских повстанцев стали крайне ненадежные маршруты через Сирию: «Иракское правительство ввело экономическую блокаду, турецкая и иранская границы были закрыты, оставив воюющий Иракский Курдистан в осаде и без доступа к морю. В этом отношении Алжир во время войны находился в гораздо более выгодном положении, поскольку алжирцы в целом пользовались марокканской, тунисской и арабской помощью, а также имели доступ к морю» [Vanly, 1965, p. 18]. Неудивительно, что всего через несколько недель после начала восстания его лидер Мустафа Барзани попытался получить политическое убежище сначала в Турции, затем в Сирии, но был отвергнут обеими сторонами [Talabani, 2018, p. 137]. 28 сентября 1961 г. военный переворот привел к выходу Сирии из союза с Египтом, новое правительство начало репрессии против коммунистов, ослабило связи с Советским Союзом. Все это положило конец сирийской поддержке движения Барзани и заставило его искать союзников на Западе и в Иране, а в курдской политике Сирии наступило затишье.

В 1962 г. Барзани начал зондировать возможность наладить связи с США через журналистов, не ставя в известность советскую сторону. Ситуация с курдами еще больше ухудшилась, когда 8–10 февраля 1963 г. к власти в Ираке пришла партия Баас, а 8 марта ее примеру последовало сирийское отделение Баас. Дамаск и Багдад немедленно взяли курс на сближение, начав обсуждать даже вопрос создания совместного военного командования. Тем временем баасистское руководство в Багдаде, которое до переворота пользовалось некоторой поддержкой Запада и все это время демонстрировало явные проамериканские настроения, продолжило боевые действия против курдов Барзани, который все еще полагался на Советский Союз. Барзани, увидевший после прихода Баас к власти неминуемую опасность потерять свой единственный маршрут снабжения, по всей видимости, уже в марте написал в посольство США, но получил отказ [Rahmani, 2012, pp. 42, 45].

Сирийская Баас считалась более просоветской и левой, чем иракская. Это не помешало Дамаску в июне 1963 г. направить значительные военные силы на помощь иракским правительственным войскам в подавлении курдского восстания. Первоначально это было сделано тайно, и, несмотря на публичные обвинения СССР во вмешательстве, Дамаск до конца октября отрицал развертывание своих войск против курдов. Сирийская интервенция, вероятно, действительно помогла

¹⁴ См. более десятка документов по этому вопросу в документах Эмира Фарид Шехаба, в то время ключевого ливанского чиновника, отвечавшего за вопросы безопасности: «Jordanian Movements in Lebanon», 22.07.1949, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/176414> (дата обращения: 01.01.2024); «Communist Activities in Aleppo and al Jazeera», 1950, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/175811> (дата обращения: 01.01.2024); «The Kurds in Northern Syria», 1955, Emir Farid Chehab Collection. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/165751> (дата обращения: 01.01.2024).

Багдаду в противодействии Барзани и была завершена к концу года после того, как баасисты в Багдаде были свергнуты пронассеристскими силами [Vanly, 1970, pp. 208–210].

Переориентация курдского движения

Так как СССР не смог организовать снабжение через Сирию, курдские повстанцы попытались наладить связи с израильянами и иранцами. Прозападный Иран, имевший протяженную границу с курдскими районами Ирака, которая проходила по пересеченной местности, предоставлял оружие, припасы и убежище силам Барзани, а израильяне — оружие, разведданные и дипломатическую поддержку на Западе¹⁵. К концу 1960-х гг. связи курдских повстанцев Барзани с режимом иранского шаха переросли в очевидную зависимость. Даже когда в 1966 г. левая фракция ДПК во главе с Ибрагимом Ахмадом и Талабани попыталась выступить против курса руководства Барзани, они обратились за помощью к Тегерану.

Тогда же в конце 1960-х гг. связи с Израилем закрыли для Барзани двери в Дамаск. В 1969 г. борьба за власть в Сирии завершилась победой группировки, возглавляемой Хафезом Асадом. Асад укрепил власть алавитов в Сирии и начал проводить активную политику по отношению к иностранным курдам. Иракские курдские активисты подчеркивали, что и оба сирийских политика-алавита, и обычные алавиты относились к курдам лучше, чем сирийские мусульмане-сунниты или христиане [Talabani, 2018, s. 520, 524].

В 1968 г. иракская Баас вернулась к власти в результате очередного военного переворота и предприняла шаги по прекращению войны в курдских районах. В марте 1970 г. она выпустила декларацию с обещанием создать автономию для курдов, передала некоторые полномочия в местных органах власти структурам ДПК и начала переговоры с Барзани об окончательном урегулировании. Все это вызвало критику Дамаска в адрес новых лидеров в Багдаде за то, что они пренебрегают «иракским арабизмом». Но, как отмечали иракские власти, одновременно сирийские спецслужбы принялись поставлять барзанистскому движению оружие на последнем — вооруженном — этапе его борьбы в 1974–1975 гг. [Arab Ba'th Socialist Party — Iraq, 1983, p. 59].

Сирийское правительство активизировало свою политику в отношении курдов и пошло на столь рискованные шаги после того, как смогло серьезно укрепить свое международное положение и привлечь огромные внешние ресурсы и поддержку, необходимые для финансирования развития страны и ее участия в международной политике. Дело в том, что после того, как в 1972 г. Египет отказался от военного сотрудничества с СССР, Сирия стала ключевым советским союзником на Ближнем Востоке и оставалась им до конца 1980-х гг. Советский Союз даже разместил в Сирии свои войска, чтобы помочь ей в конфронтации с Израилем. Успех Асада в получении советской помощи был связан не только с ролью Сирии в конфронтации с прозападным Израилем, но и с его обещаниями — выполненными лишь частично — предоставить СССР стратегические возможности в Средиземном море, прежде всего военно-морские базы.

Вдобавок Асад решил опереться на ряд консервативных режимов Ближнего Востока, прежде всего иранский. В апреле 1973 г. Дамаск восстановил дипломатические отношения с шахским Ираном, фактически разорванные в 1965 г. Тегеран, вовлеченный в конфликт с Ираком из-за

¹⁵ С июля 1963 г. началась операция «Спарта», которая шла в тесном сотрудничестве со спецслужбами шахского Ирана [Podch, 2022, pp. 368, 467]. В конце 1966 г. по просьбе Барзани для встречи с ним Израиль направил своего официального представителя Арье Лова Алиева, который в 1960-е гг. по поручению руководства Израйля неоднократно посещал с секретными или гуманитарными миссиями мусульманские страны. Алиев и Барзани провели несколько встреч, в ходе которых обсуждались политические и гуманитарные вопросы [Podch, 2022, p. 377; Aliiev, 5741, p. 21].

восстания Барзани, был заинтересован в восстановлении этих отношений и охотно оказывал поддержку Асаду, также враждовавшему с Багдадом¹⁶.

Курдское восстание продолжалось при все более открытой поддержке Ирана до тех пор, пока шах и иракское правительство не заключили 6 марта 1975 г. Алжирское соглашение. Согласно ему, Ирак отказался от своих притязаний на право судоходства по реке Шатт-эль-Араб в обмен на отказ Ирана от поддержки курдских повстанцев. После этого движение Барзани рухнуло за несколько дней. Западные дипломаты, посетившие регион через несколько недель после этого, охарактеризовали положение в Иракском Курдистане как «спокойное» и подчеркивали полный контроль иракской армии и пассивное отношение местных курдских жителей.

Заключение

Сирийская политика в отношении зарубежных курдов не была продуктом оппортунистического реагирования на возникающие проблемы и возможности, но представляла собой довольно последовательный курс взаимодействия с иракскими и турецкими курдскими организациями. При стабильности самого интереса Дамаска к курдскому вопросу на всем Ближнем Востоке — в историческом Курдистане — важным фактором сирийской политики в отношении несирийских курдов было наличие у сирийского правительства ресурсов и международной поддержки для ее реализации. Это было обусловлено экономической слабостью сирийского баасистского государства, чья политэкономическая база зависела от привлечения внешних ресурсов и поддержки.

Несмотря на эту потребность в привлечении внешних ресурсов, Дамаск руководствовался своими интересами при определении курдской политики, и она была основана прежде всего на региональной раскладке сил, а не на глобальной конфронтации, связанной с холодной войной. Сирия, как и многие другие страны, принадлежит сразу к нескольким регионам, которые либо входят в более крупные регионы, либо частично накладываются друг на друга. Например, она была частью не только Ближнего Востока, но и арабского мира, Средиземноморья. Кроме того, фактически все четыре страны, на территории которых проживает значительное курдское население образуют еще один такой регион — в силу связанности процессов в Сирийском, Турецком, Иракском и Иранском Курдистанах. Именно соображения, касающиеся национальных интересов Сирии, и амбиции ее руководства во внешнеполитической области определяли сирийскую политику в отношении несирийских курдов. И то, и другое было главным образом связано с региональным контекстом, а глобальное противостояние в рамках холодной войны скорее использовалось Дамаском (в частности, для привлечения материальных и нематериальных ресурсов от советского союзника), нежели определяло его поведение.

Именно потому Сирия последовательно саботировала советские попытки поддержать курдское восстание под руководством Мустафы Барзани, а затем допустила его переход на сторону оппонентов СССР. На этом, впрочем, все не закончилось. Впоследствии Сирия в сотрудничестве с тогдашним тесным союзником США — шахским Ираном — способствовала созданию Патриотического Союза Курдистана, который возобновил вооруженную борьбу против сблизившегося с СССР Ирака. Позже, в 1980-х гг., Сирия продолжила эту политику в сотрудничестве с уже исламистским Ираном, начав оказывать поддержку еще и Рабочей партии Курдистана турецких курдов. Излишне говорить, что все это время, с 1955 по 1991 г., Сирия считалась союзником Советского Союза при всех режимах, которые сменяли друг друга в Дамаске.

¹⁶ См. записи от 15 и 16 апреля 1973 г. [Alam, 1991, p. 284].

Литература / References

- Киселев А. В. *Секретная миссия на Ближнем Востоке*. М., 2000 [Kiselev A. V. *The Secret Mission in the Middle East*. Moscow, 2000 (in Russian)].
- Мгои Ш. *Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958–1970 гг.)*. Ереван, 1977 [Mgoi Sh. *The problem of the national autonomy of the Kurdish people in the Iraqi Republic (1958–1970)*. Yerevan, 1977 (in Russian)].
- Alam A. *The Shah and I: The Confidential Diary of Iran's Royal Court, 1969–1977*. London, 1991.
- Aliev A. L. In secret mission to Mustafa Barzani. In Kan Nesharim in Kurdistan. *Hidhadshut*. 1980/1981, 5741. Pp. 18–20.
- Arab Ba'th Socialist Party — Iraq. The Central Report of the Ninth Regional Congress (June 1982)*. Baghdad, 1983.
- Blau J. Le problème kurde. Essai sociologique et historique. *Le monde musulman contemporain, Initiations*, No. 4. Bruxelles, 1963 [Blau J. *The Kurdish problem. Sociological and historical essay*. Bruxelles, 1963 (in French)].
- Fawzi A. *Khanajir wa Jibal: Qasim wa al-Akrad*. Bagdad, 1961 [Fawzi A. *Daggers and Mountains: Qasim and Kurd*. Bagdad, 1961 (in Arabic)].
- Gunter M. M. *Out of Nowhere. The Kurds of Syria in Peace and War*. London, 2014.
- Podeh E. *From mistress to public knowledge: Israel's Secret Relations with States and Minorities in the Middle East, 1948–2020*. Tel-Aviv, 2022.
- Rahmani V. *Tarikh al-Ilaqat al-Amrikiya al-Kurdiya*. Arbil, 2012 [Rahmani V. *The History of American-Kurdish relations*. Arbil, 2012 (in Arabic)].
- Talabani J. *Hiwar al-'umr. Mudhakhirāt al-Rayis Jalal Tālabāni. Riblatu sittun 'aman min jibali Kurdistan ila qasri al-Salam*. Beyrouth, 2018 [Talabani J. *Memoirs of President Jalal Talabani*. Beyrouth, 2018 (in Arabic)].
- Vanly I. Ch. *Revolution of Iraki Kurdistan*. Committee for the Defense of the Kurdish People's rights. April 1965.
- Vanly I. Ch. *Le Kurdistan Irakien entité nationale. Étude de la Révolution de 1961*. Neuchâtel, 1970 [Vanly I. Ch. *Iraqi Kurdistan national entity. Study of the 1961 Revolution*. Neuchâtel, 1970 (in French)].
- Westad O. A. *The Cold War: A World History*. London, 2017.